

Цзяхуэй признаёт, что мы каждый день проводим вместе? Что она пытается доказать? В груди заворочалась странная сила, и внезапно всё это показалось мне до того нелепым, что я едва не расхохотался. Я старался сдержаться, но не смог — в конце концов я рассмеялся. Смех становился всё неудержимее, я задыхался, хватая рту воздух. Внезапно по щеке хлестнуло ветром. Раздался звонкий звук пощечины, левая сторона лица вспыхнула огнем, а из уголка рта потекла горячая струйка. Но я всё смеялся, не в силах остановиться, смеялся до слез. Я развернулся и побежал вниз. Пора уходить. Разве не так? Что мне еще остается? Разве всё не закончено? Эта пощечина — разве не идеальная точка? Я продолжал смеяться, пока не открыл дверь машины и не завел мотор. Я всё смеялся, и наконец слезы хлынули из глаз. Позади послышался окрик Вэя — всё такой же гневный, но теперь в нем было больше отчаяния.

— Сяодун! Ся Дун! Ты, негодяй! Не уходи! Не смей уходить! Вернись!

В зеркале заднего вида я видел, как он бежит босиком по снегу. Но моя Тойота уже тронулась, оставляя его позади!

— Сяодун! Я с таким трудом добрался до Америки! Сяодун! Мы ведь могли бы часто видеться! Сяодун, мерзавец! Вернись!

Он продолжал бежать. Он перешел на отчаянный крик, больше не заботясь о том, что может потревожить этот чужой город. Его волосы развевались на ветру, казалось, их давно не стригли. Голос начал хрипеть. Это был тот самый Вэй, которого я когда-то ненавидел. Тот, кто когда-то обнимал меня за талию, прижимаясь щекой к моему уху; тот, кто когда-то стряхивал мои пальцы, когда я пытался за него уцепиться. Он смотрел на бланк моего заявления в университет и бормотал: Университет Цинхуа, как же это далеко от меня! А сегодня он говорит: я с таким трудом добрался до Америки!

Я всё смеялся, не переставая. Отражение в зеркале становилось всё размытее. Я вдавил педаль газа в пол, и машина стремительно уносила меня прочь от тени Вэя. Внезапно я почувствовал невероятную легкость. Всё, абсолютно всё осталось далеко позади. В этот миг я был по-настоящему свободен. Зеркало уже совсем затуманилось, ничего не разобрать. Я закрыл глаза, и моя Тойота вдруг сильно затряслась. Я что, взлетел? Моя старая Тойота перемахнула через дорожное ограждение и полетела! Неужели я и вправду свободен? Мы пронеслись сквозь заснеженные ветви деревьев. Перед глазами больше не было грязной дороги — только лазурное небо и причудливые облака! А следом — лес, укрытый вчерашним снегом, и широкая, петляющая река Сюлунь, бесконечно текущая куда-то к горизонту. Мы с машиной начали кувыркаться по склону холма. Тот крутой поворот... я всё-таки забыл о нем. Как в тот вечер в китайском ресторане: я ведь заметил скользкий коврик перед дверью кухни, но всё равно споткнулся. Но какое это теперь имеет значение? Разве я не мечтал о полете с самого детства? Стоя на балконе своего дома, раскинув руки, разве не представлял я тот самый короткий полет в момент падения? И разве мгновение назад я почти не влетел в эти изящные облака? Весь мир вращался, вращался. Мир сжимался вокруг меня, ударяясь о голову, сдавливая тело.

Я должен вырваться из этого мира! Вырваться из мира, который плотно окутал меня, не давая дышать! Я отчаянно боролся, словно противостоял всей Вселенной. Наконец всё стихло. Наступила тишина. Я вырвался из этого кокона, я обрел полную свободу. Как же свеж этот воздух зимнего утра. Кажется, я касаюсь пальцами снега, покрывающего землю — он такой

холодный. Неужели я наконец лежу на залитой солнцем и снегом лужайке? Осталась ли трава зеленой? А где моя старая Тойота? Как я ее покинул? Я внезапно заскучал по ней, мне захотелось еще раз услышать ту унылую песню. Песню о счастье и розах. Я изо всех сил пытаюсь открыть глаза, и прямо передо мной — солнце. Невероятно ослепительное. Оказывается, уже совсем рассвело! Почему я осознал это только сейчас? Рассвело, и город должен был проснуться от ночных снов. Маленький хозяин того дома, где мы были вчера, наверняка радостно обнимает родителей, получив рождественский подарок. Но почему я чувствую такую усталость? Я ужасно хочу спать, неужели я давно не отдыхал? Я сейчас усну. Да, небо действительно светлое, всё вокруг стало таким ярким. Кажется, даже слишком ярким, ослепительно белым. Белым. Всё превратилось в белое. Всё исчезло в бескрайней, бездонной чистоте.

В этой бескрайней белизне я медленно бреду вперед. Или, вернее, плавно дрейфую. Мои ноги словно ступают по вакууму. Я ничего не чувствую. Ни боли, ни зуда, ни радости, ни печали. Всё так спокойно и безмятежно. Не знаю, сколько времени прошло, но впереди появился переливающийся всеми цветами радуги ореол, который медленно расширялся. Как может существовать столь прекрасное сияние? Красочнее радуги, ярче закатной зари. Я не хотел медлить ни секунды и устремился к этому свету. Я становился всё ближе. Казалось, он уже перед глазами. Но вдруг я услышал голос, висящий в пустоте:

— Ты готов? — спросил он.

— Да, — ответил я.

— И правда готов? Больше ничего тебя не держит?

Я засомневался. В памяти — лишь пустота. У меня словно нет ни имени, ни прошлого, я никого не встречал и нигде не бывал. Я рожден в этой хаотичной белизне, я — частица этой безграничной пустоты, в моем существовании не было цели, оно само по себе — ничто. И всё же, где-то в глубине души, я словно всё еще был к чему-то привязан.

— Ты не готов. Тебя всё еще держат путы, — сказал голос.

— Но это же смешно, — ответил я. — Я — ничто, у меня нет никаких воспоминаний.

— Сейчас ты — ничто, но раньше это было не так. Пустота стерла твою память, но не чувства. Поэтому ты всё еще привязан к прошлому, хотя ничего не помнишь. Пожалуй, тебе лучше вернуться.

— Но куда мне вернуться? Откуда я пришел? В моей памяти — пустота.

Однако голос смолк. Растаял и разноцветный ореол. Без него у меня внезапно пропали силы двигаться дальше. Я лег, ощущая себя словно парящим в воздухе или на спокойной морской глади. Я закрыл глаза и начал чувствовать легкую зыбь. Еще через какое-то время мне почудился шум моря. В этом нежном звуке я погрузился в глубокий сон.

Когда я очнулся, мне показалось, что я спал целый век. Я с трудом открыл глаза, но зрение было расфокусировано, кроме слепящего света, я ничего не видел. Где я? Почему воздух полон

резкого запаха? Что это? Дай-ка вспомнить. Точно, это запах лизола. Это больница? Как я здесь оказался? Я пытался думать, но в голове было пусто. Постепенно зрение прояснялось. Всё вокруг белое. Белые стены, белый потолок, белые шторы. Я попытался приподнять голову и увидел его — размытый силуэт, склонившийся над моей кроватью, кажется, он спал. Волосы не очень длинные, прямые и черные. Рядом лежала белая фуражка, на которой что-то круглое ярко блестело. Кто я? Кто он? Почему я здесь? Я старался вспомнить. Все воспоминания казались такими близкими, словно их скрывала тонкая стена. По ту сторону стены воспоминания бурлили, а здесь было пусто, я слышал лишь этот гул, но не видел ни единого образа. Внезапно за окном стало шумно, донесся многоголосый гул! Казалось, там проходит много людей, они тяжело топали и выкрикивали лозунги. Я не мог разобрать слов — то ли они призывали кого-то свергнуть, то ли кричали «десять тысяч лет» кому-то. Я внезапно почувствовал тревогу. Почему? Потому что не могу разобрать слов? Я поднял руку, чтобы коснуться уха, но нащупал толстый слой бинтов. Кто забинтовал мне уши? О, не только уши. Лоб, макушка, затылок — всё было замотано бинтами. Почему так? Неужели с моей головой и правда что-то случилось?

Шум за окном наконец разбудил спавшего рядом человека. Он поднял голову и посмотрел на меня. Черты лица всё еще были нечеткими.

— Лань! — тихо позвал он. Он зовет меня? У него такой глубокий, мягкий голос. Почему он кажется таким знакомым? Неужели я слышал его раньше?

— Лань! — снова позвал он и вдруг взял меня за руку. Его ладонь была горячей.

В одно мгновение мои долго дремавшие воспоминания прорвали тонкую стену и захлестнули меня, как прилив. Да, он зовет именно меня! Я и есть Лань. Я всё вспомнил. Вспомнил, как они надели на моего отца высокий остроконечный колпак и заставили с согнутой спиной идти по улице за улицей. Вспомнил, как они выкручивали мне руки, били, пинали и бросили в темную каморку без окон в отделении милиции. Там я не различал дня и ночи. Вспомнил, как однажды, когда я изнывал от голода и холода, вошел он. Он отличался от них: на нем была белая милицмейская форма, а они были хунвейбинами в военной форме. Я хотел прорваться к выходу, улучил момент и бросился к двери, но он схватил меня за руки и прижал к полу, лишив возможности двигаться. В тот миг я больше не мог сопротивляться, и благодарные слезы хлынули из глаз. Он слегка ослабил хватку. Я сдержал слезы, поднял глаза и в ярости посмотрел на него. Он смотрел в ответ, и в его взгляде читалось нечто сложное. Он встал и ушел, но через некоторое время вернулся, держа в руках дымящиеся паровые булочки. Он протянул их мне и тихо прошептал:

— Ешь быстрее, когда они вернутся, еды уже не будет.

Я вспомнил ту ночь, когда он внезапно появился и сказал:

— Уходи быстрее, пока никто не видит.

Он взял меня за руку и быстро повел прочь. Мои ноги будто не слушались. Тогда он взвалил меня на спину. Он был худым, но спина — широкой. Я прильнул к нему, обняв за шею, и чувствовал, как бьется пульс на его шее. На следующий день у ворот того же участка я снова увидел его. Он стоял ко мне спиной, прощаясь с красивой девушкой в зеленой военной форме.

Она сказала:

— Не забудь сегодня вечером прийти ко мне на ужин.

Он ответил:

— Обязательно сегодня?

Она насупилась:

— Товарищ Линь Хуэй! С родителями рано или поздно придется встретиться, от судьбы не уйдешь!

Она скорчила рожицу, тряхнула двумя косичками и, развернувшись, быстро ушла. Я тоже собрался было бежать, но он обернулся и заметил меня. В испуге он затащил меня за угол и сердито прошептал:

— Почему ты до сих пор здесь? Не боишься, что они увидят?

Мое сердце бешено колотилось, и я не смог вымолвить ни слова из тех оправданий, что заготовил заранее.

Потом были те холодные вечера, когда мы бродили по проспекту Чанъаньцзе, и под яркими фонарями наши дыхания сливались в единый белый туман, который невозможно было разделить. Еще берег озера в парке Цзичжунань: мы сидели на скамейке, плечом к плечу, под моросящим дождем, сидели до самой темноты, пока сторож парка не пришел нас выгонять. Он обнял меня за плечи и прошептал на ухо:

— Как бы я хотел остаться здесь навсегда.

Были и Белая пагода в парке Бэйхай, и руины Старого Летнего дворца, и берег канала, заросший колючками и сорняками, где летал тополинный пух... А еще балкон его дома. Хотя там было всего два этажа, оттуда были видны Древняя обсерватория и проходящие внизу поезда. И наконец, однажды ночью он обнял меня и сказал: Лань, я люблю тебя! В ту ночь бушевала буря, сверкали молнии, гремел гром. Горькие воспоминания! Почему они нахлынули с такой силой? Он сказал мне, что женится на дочери начальника управления. В тот день он плакал. И я плакал. Он сказал: Давай сбежим вместе! Я ответил: Куда же мы можем убежать? Я знал, что должен уйти не кто-то из нас, а именно я. Я должен сбежать. Ради него и ради себя я обязан был навсегда исчезнуть из его жизни. Я сказал: Женись, я благословляю тебя. Он крепко обнял меня, его слезы стекали мне за шиворот. А потом меня внезапно охватило головокружение, мир перевернулся перед глазами. Я не успел убежать. Он отвез меня в больницу. Я подслушал, как врач сказал ему, что у меня злокачественная опухоль мозга. Врач добавил, что шансы на успех операции ничтожны, но это единственный шанс.

— А если операция не удастся? — спросил он, и голос его дрогнул.

— Если не удастся, больной не придет в сознание, — ответил врач.

Вернувшись в палату, он принес несколько яблок. Он лгал мне, что моя болезнь — пустяк, и после маленькой операции всё пройдет. Он улыбался, чистя мне яблоко, но не смог сдержать слез. Мне так хотелось утешить его, сказать, чтобы он не грустил, ведь даже если надежды нет, мне не страшно. Я думал: мне повезло — вместо того чтобы в одиночестве скитаться всю жизнь, лучше умереть счастливым рядом с любимым человеком. Думая так, я даже начал ждать этого безнадежного финала. В день операции он с улыбкой сказал мне:

— Лань, не волнуйся, всё пройдет хорошо. Просто уснешь. Через несколько часов всё закончится.

У него были красные глаза, когда он это говорил; врать он совсем не умел. Я улыбнулся и взял его за руку. Я сказал, что хочу хорошенько рассмотреть его, чтобы во сне видеть его лицо. Не знаю почему, но при этих словах к горлу подступил комок, хотя на душе было на удивление спокойно. Я поспешно сменил тему:

— Можешь пару дней присмотреть за моим дневником? Он в палате, под подушкой.

Он улыбнулся, кивнул и уткнулся лицом в простыню у моих ног. Его слезы намочили ткань, пропитав простыню до моей кожи. Пришла медсестра, попросила его выйти и надела на меня кислородную маску. Как же комично это выглядело: такой молодой и сильный мужчина, а его под руки ведет худенькая медсестра, будто это он больной. Я из последних сил пытался приподнять голову, чтобы еще раз взглянуть на него, но мышцы начали неметь. Я знал, что сейчас усну, и, скорее всего, больше никогда не проснусь. Но я ни о чем не жалел, ведь он меня провожает, а еще он прочитает мой дневник, где записано всё, что я хотел ему сказать, но не успел. Казалось, этот сон длился вечность, но я всё же очнулся. Снова увидел его лицо, услышал, как он зовет меня по имени. Не знаю, радоваться этому или горевать!

— Хуэй! — тихо позвал я его.

— Лань! Ты выкарабкался! Ты был в коме три дня, но ты справился!

Он бросился ко мне, припал к моей груди и тут же зарыдал. Я гладил его по волосам. Мои движения были неуклюжими, руки опутаны множеством трубок. Вдруг меня посетило предчувствие: наша история уже упустила свой самый прекрасный финал. Зачем я очнулся? Что теперь делать? Разве я не собирался исчезнуть без следа? Но теперь как найти в себе мужество снова спрятаться в такой угол, где даже я сам себя не найду?

— Лань! Я не могу без тебя! Лань, давай всегда будем вместе! Я буду заботиться о тебе. Буду бережно о тебе заботиться. Всю жизнь, хорошо? Лань? — он всхлипывал, и черная прядь волос у него на лбу дрожала перед моими глазами.

— Хуэй, ты... — я хотел сказать, что это невозможно, не обманывай себя, но не смог. Я боялся: стоит произнести это вслух, и всё исчезнет.

— Лань! Молчи, ничего не говори! Я прочитал твой дневник, всё прочитал. Но ты не знаешь, как долго мне было не легче, чем тебе. Лань, я решил. Завтра расторгну помолвку!

Он резко поднял голову, и никогда еще я не видел в его глазах такой решимости. Мои слезы

тоже хлынули потоком.

— Навсегда! На всю жизнь! — он сжал мою руку. Его ладонь была горячей.

— Мой дневник у тебя? — спросил я.

Внутри меня с невыносимой силой kloкотало желание.

— Конечно! — он достал дневник из-за пазухи. — Все эти дни я не расставался с ним.

— Хорошо, Хуэй, помоги мне сесть, я хочу дописать.

— Лань, давай отдохнем пару дней, а?

— Нет, хочу сейчас! — настоял я.

Я не хотел ждать ни секунды. Я хотел удержать этот миг, удержать навсегда. Я знал, что его обещаниям не суждено сбыться. Знал, что у нас нет будущего. Я уже решил, что наберусь мужества и тихо исчезну. Ради него я обязан был исчезнуть навсегда. Но в этот миг, когда он говорил мне всё это... я обязан был записать! Этот дневник, возможно, останется со мной навсегда. Только с этими записями я буду знать, что, несмотря ни на что, он помнил обо мне.

— Хуэй, я немного проголодался, принеси мне, пожалуйста, соевого молока? — я взял у него дневник.

Я хотел записать его слова, но не хотел, чтобы он снова их видел. Эти слова он уже сказал, я их услышал — этого достаточно.

— Хорошо, Лань, я сейчас же куплю!

Он поправил мне подушки. Его глаза сияли. Он выбежал из палаты, даже не успев плотно прикрыть дверь, забыв на кровати свою белую фуражку. Я открыл дневник, и страница за страницей воспоминания вновь пронеслись перед глазами. В глазах снова защипало. Я открыл чистую страницу. Раньше мой почерк был аккуратным и красивым. Мои родители, заклеенные как «черная категория» капиталистов, не оставили мне ничего, кроме этого красивого письма. Но с начала болезни я не могла сохранить и его — почерк стал уродливым. Я с трудом вывела: «9 октября 1973 года, сегодня четвертый день после операции. Хуэй сказал мне: Лань, я буду всю жизнь бережно заботиться о тебе».

У меня не осталось сил писать дальше. Я потратил последнюю каплю энергии. Закрыв дневник и глубоко вздохнул. Я ждал Хуэя. Он ушел за соевым молоком. Я почувствовал усталость. Едва не провалился в сон. Старался отогнать дремоту. Я должен дождаться Хуэя, дождаться, когда он принесет соевое молоко. Если я усну, он точно не станет меня будить. И тогда молоко, ради которого он так спешил, остынет. Но я всё же уснул. Я так и не дождался его возвращения. А когда снова очнулся, у моей кровати стояла молодая медсестра с странным выражением лица.

— Тот товарищ-милиционер... он ведь ваш брат, да? Он заболел и не сможет вас проводить, — сказала она.

Я хотел спросить что-то еще, но она резко развернулась и быстро вышла.

<http://bllate.org/book/21154/2144376>